

СТАРАЯ НИСА. ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

В Южном Туркменистане у подножия Копет-Дага, в нескольких километрах от Ашхабада расположено селение Багир, а в нем два древних городища – Старая Ниса и Новая Ниса. Еще до того, как на этих городищах начались археологические раскопки, они неоднократно упоминались в трудах востоковедов. Поводом для этого послужило название «Ниса». Слово «Ниса» в переводе с древнеиранского означает «пониженное, удобное для поселения место». Таких мест, естественно, было много, и на обширных пространствах Среднего Востока известно немало городов и селений с подобным названием. Среди них и парфянская Ниса, расположенная в местности Парфиена. Чем она была знаменита, мы толком не знаем, сохранившиеся известия древних авторов очень лаконичны. Считается, что несколько приоткрывает эту завесу Исидор Харакский, который в своем сочинении «Парфянские стоянки» указывает, что в городе Парфавниса расположены гробницы парфянских царей. Это сообщение Исидора не давало покоя многим востоковедам, и они пытались уточнить местонахождение города. Сочинение Исидора представляет собой не что иное, как путеводитель. В нем содержится краткое описание главной торговой и военной дороги, пересекавшей Парфянское государство с запада на восток. Считают, что основой для этого сочинения послужили официальные парфянские справочники. В нем последовательно перечисляются области, через которые проходила дорога; сообщается протяженность пути в пределах конкретных областей; указываются основные стоянки – города и селения, в некоторых случаях приводится расстояние между отдельными пунктами и сообщаются достопримечательности последних. На первый взгляд, на основании этого довольно подробного перечня не составляет большого труда установить, где находится тот или иной пункт, упомянутый в путеводителе. Но при попытках наложения маршрута на современную географическую карту возникают трудности, многие из которых остаются непреодоленными до сих пор. Произведение, созданное, как полагают, в I в. н.э., неоднократно переписывалось, и в него неизбежно вкрались искажения первоначального текста. Географические представления двухтысячелетней давности существенно отличались от современных, и местами очень трудно ориентироваться, казалось бы, в очень ясных и четких сообщениях путеводителя. При движении по местности возможно использование разных дорог, так как хорошо известно, что самый короткий путь не всегда самый лучший. Для средней части трассы, которая для нас наиболее интересна, вообще нет точных ориентиров между Рагами (совр. Тегеран) и Александрией в Арейе (совр. Герат). По этой причине предлагаются разные маршруты и разные локализации Парфавнисы, расположенной где-то в средней части этого отрезка. На начальных стадиях научных исследований, когда археологические раскопки еще не проводились, а рассматривались только теоретические, кабинетные варианты возможного местонахождения Парфавнисы, предлагались различные решения, но чаще прочих назывались Нишапур и Ниса в Багире.

Наиболее весомым аргументом в пользу последнего отождествления был тот факт, что именно в Багире бесспорно находятся остатки средневекового города Ниса, центра довольно крупной одноименной области, т.е. здесь вполне можно видеть преемственность в использовании одного и того же топонима. Это отождествление стало признаваться бесспорным после того, как археологическими исследованиями было установлено, что оба багирских городища активно функционировали в аршакидский период, а на Старой Нисе существовали величественные постройки, определяемые как царские дворцы и храмы.

Рассмотрению вопроса о правомерности этого отождествления, ознакомлению с разными точками зрения о назначении городища Старая Ниса и посвящена данная

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 96-01-00103).

статья. Но прежде необходимо сделать еще одно вступление – краткое описание самих городищ, с тем чтобы читатель мог относительно свободно ориентироваться в существе обсуждаемых вопросов.

Городище Новая Ниса расположено на юго-западной окраине современного селения Багир. Площадь его около 22 гектаров. В плане оно имеет неправильные очертания, так как основанием для древнего города послужила естественная возвышенность. Внешние стены города возникли в аршакидский период, много раз перестраивались, но размеры городища оставались неизменными на протяжении всей его многовековой истории. Наиболее возвышенная часть холма-основания была огорожена дополнительной стеной и использовалась как цитадель. Территория города парфянского времени активно осваивалась в период средневековья, а средневековые постройки столь же активно разрушались в новое и новейшее время, что привело к сильному перемешиванию культурных слоев. Это обстоятельство чрезвычайно затрудняет археологические исследования, которые так и не вышли за рамки разведывательных раскопок¹.

Старая Ниса находится в полутора километрах от Новой, на юго-восточной окраине Багира. Городище также воздвигнуто на обширной плосковерхой естественной возвышенности. Сообразуясь с ее формой, крепость приобрела в плане очертания неправильного вытянутого в меридиональном направлении пятиугольника. Площадь Старой Нисы почти в два раза меньше площади Новой Нисы. По краю холма сооружена внешняя крепостная стена, до сих пор сохранившаяся в виде высокого вала с бугорками на месте расположения бывших башен.

В отличие от Новой Нисы Старая почти не осваивалась в послепарфянский период, и современный рельеф позволяет судить о структуре древней застройки. В центре городища расположено несколько крупных котлованов, соответствующих древним водоемам, ближе к стенам находятся всхолмления, скрывающие остатки строений. До раскопок были выделены два крупных массива древней застройки – северный и центральный, разделенные четко выраженным понижением. Размеры и высота центральный центрального массива свидетельствовали о том, что именно здесь располагались важнейшие сооружения (рис. 1).

Последующие многолетние раскопки полностью или частично выявили планировку основных архитектурных сооружений Старой Нисы и подтвердили существование в ее пределах двух обособленных архитектурных комплексов, различающихся по своему назначению². В северной части городища раскопаны два рядом расположенных объекта – Большой квадратный дом (БКД) и винохранилище. БКД был спланирован опытным архитектором и первоначально имел простую, четкую планировку. Это было квадратное в плане здание (59,7 × 59,7 м) с глухими высокими внешними стенами. Внутри него можно было проникнуть через единственный неприметный узкий проем, расположенный с южной стороны. По периметру постройки располагались 12 одно-типных продолговатых помещений. Центральную часть постройки занимал обширный двор, обведенный колонным портиком. Помещения определенно служили местом хранения очень ценных в материальном и художественном отношении предметов. Археологи застали их практически полностью опустошенными. Сохранились только поло-

¹ Маруценко А.А. Краткий отчет о работе кабинета археологии Туркменского государственного института истории за первую половину 1936 года // Материалы ЮТАКЭ. Вып. 1. 1949; Вязьмитина М.И. Археологическое изучение городища Новая Ниса // Тр. ЮТАКЭ. Т. 1. 1949; она же. Археологические работы на городище Новая Ниса в 1947 г. // Тр. ЮТАКЭ. Т. 2. 1953; Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958. С. 22–117; Крашенинникова Н.И. Некоторые наблюдения на некрополе Парфавнисы // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.

² Раскопкам Старой Нисы посвящена обширная литература. Наиболее важные публикации: Массон М.Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение // Тр. ЮТАКЭ. Т. 1. 1949; Пугаченкова. Пути развития... С. 60–69. Последние по времени публикации: Pilipko V.N. Excavations of Staraiia Nisa // Bulletin of the Asia Institute. 1996. V. 8.; Пилипко В.Н. Старая Ниса. Здание с квадратным залом. М., 1996.

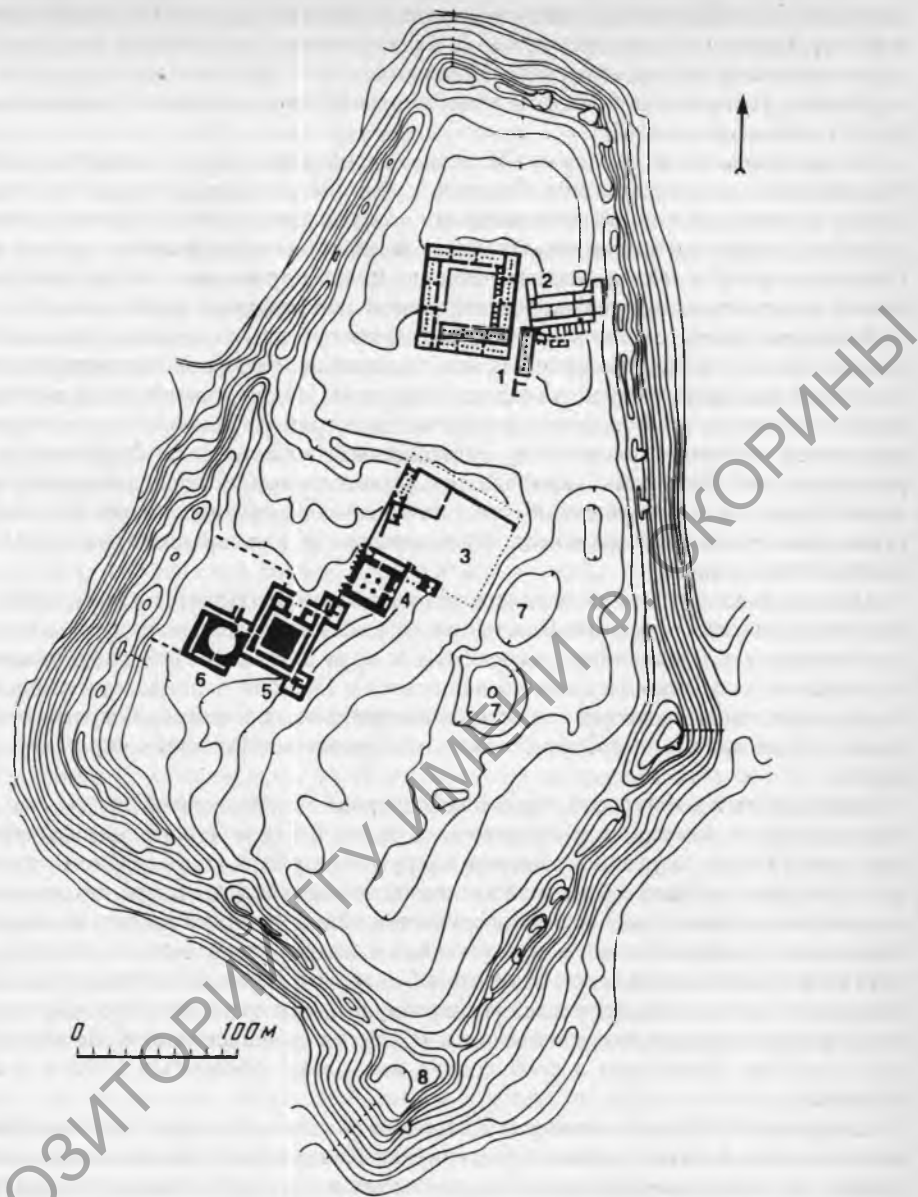

Рис. 1. Старая Ниса. Общий план: 1 – Большой квадратный дом (БКД); 2 – Северное винохранилище (СВ); 3 – Северо-восточное сооружение (БС); 4 – Здание с квадратным залом (ЗКЗ); 5 – Башнеобразное сооружение (БС); 6 – Сооружение с круглым залом (СКЗ); 7 – Водоёмы; 8 – Южный бастион

маные или брошенные за ненадобностью предметы или мелкие изделия, ускользнувшие от глаз грабителей, но даже эти «жалкие остатки» свидетельствуют об изобилии и разнообразии содержимого БКД. Здесь найдены небольшие по размерам мраморные статуи, истлевшие златотканые изделия, оружие, мебель из слоновой кости, сосуды из серебра, бронзы, стекла, дикийинные рогообразные изделия из слоновой кости³. При анализе содержимого Большого квадратного дома обращают на себя внимание две

³ Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана. М., 1967. С. 55–72; Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские риторы Нисы. Альбом. М., 1956. Текст. Ашхабад, 1959.

интересные особенности. Ценность поступавших сюда предметов определялась скорее всего не материальной стоимостью, а их необычностью, а также тем, что большинство «диковин» имело иноземное происхождение: здесь найдены греческие статуи, сирийское расписное стекло, египетские алебастры, монеты из далекого малоазийского города Амиса и т.д.

Со временем все помещения БКД оказались заполнены, и возникла потребность в расширении «сокровищницы». Сначала к ней с южной стороны пристраивается еще один ряд стандартных комнат-«сейфов» с колоннами и глинобитными помостами, а затем во дворе взамен портика возводятся менее импозантные маленькие кладовые. Следует отметить, что по мере заполнения комнат-хранилищ, входы в них замуровывались и опечатывались высокопоставленными парфянскими чиновниками⁴.

Винохранилище состояло из больших прямоугольных помещений, заставленных рядами крупных глиняных бочек. С этим хранилищем связано обнаружение почти трех тысяч чрезвычайно важных находок – остраков. Надписи выполнены на парфянском языке с большим количеством арамейских идеограмм. Основная часть остраков – это первичные учетные документы, содержащие сведения о поступлении вина и его расходовании⁵. Подобные «накладные», вероятно, прилагались к каждому хуму (глиняной бочке), и после занесения сведений в сводные ведомости или опорожнения сосудов они теряли свою ценность. Большинство из них найдено в мусорных сбросах, засыпках под полами.

Несмотря на прозаичность своего содержания, эти документы дали много интересных исторических сведений. Благодаря им стали известны структура местного административного управления, должности и круг обязанностей работавших в Нисе чиновников, особенности использовавшегося в Парфии календаря, множество новых парфянских имен, названия окрестных парфянских селений и многое другое. В частности, установлено, что Старая Ниса в древности называлась «крепость Михрдаткирт».

Центральный комплекс (в ранних публикациях он назывался Южным, или дворцово-храмовым комплексом) занимал площадь около 2,5 га и включал в себя четыре крупных сооружения, группировавшихся вокруг обширного двора. Одной стороной этот двор примыкал к северо-западной внешней стене крепости, противоположную его сторону образовывали фасады двух сооружений. Одно из них со времен первых раскопок называется «дворцом», но, в соответствии с нашим стремлением использовать нейтральные названия, здесь оно именуется Северо-Восточным сооружением (СВС). Раскопки его велись разными исследователями, до конца так и не доведены, поэтому четкого представления о его планировке и тем более назначении нет. Можно лишь отметить, что оно включало в свой состав несколько обширных дворов и колонных портиков.

Следующий объект – здание с Квадратным залом (в ранних публикациях как самостоятельный объект обычно фигурирует Квадратный зал) раскопан практически полностью. Это была несколько неправильной очертаний четырехугольная постройка, включавшая в последний период функционирования большой зал размерами примерно 20 × 20 м и пять других значительно меньших по площади помещений. Зал имел богатое декоративное убранство в эллинистическом стиле, включающее настенную роспись и глиняную скульптуру.

С юго-западной стороны во двор обращены фасады двух других построек – Башнеобразного сооружения (БС) и Сооружения с круглым залом (СКЗ). Башнеобразное сооружение (в публикациях его именуют также Башенным храмом или

⁴ Об изображении и надписях этих чиновников см. *Массон М.Е., Пугаченкова Г.А.* Оттиски парфянских печатей из Нисы // ВДИ. 1954. № 4; *Дьяконов М.М.* Надписи на парфянских печатях из древней Нисы // Там же; *Nikitin A.B.* Parthian Bullae from Nisa // *Silk Road Art and Archaeology*. V. 3. Kamakura, 1993–1994.

⁵ *Дьяконов И.М., Лившиц В.А.* Парфянские документы из Нисы I в. до н.э. Предварительные итоги работ. М., 1960; *они же.* Новые находки документов в Старой Нисе // *Переднеазиатский сборник*. Вып. 2. М., 1966; *Diakonoff I.M., Livshits V.A.* Parthian Economic Documents from Nisa. L., 1976–1977.

просто Башней) было наиболее величественной постройкой Нисы. Оно двухэтажное. Нижний этаж образовывала огромная, как полагают, сплошной сырцовый кладки «тумба» размерами примерно 20 × 20 м и высотой 7,5 м. Вокруг нее размещены два пояса узких сводчатых коридоров. С фасадной северо-восточной стороны коридоры разорваны, и здесь на центральной оси расположены два колонных портика. Углы юго-восточного фаса постройки фланкированы мощными прямоугольными башнями, имеющими однотипное устройство. Из этих башен по специальным лестницам можно было подняться на второй этаж, где, видимо, располагались основные парадные помещения, но остатки этих помещений к началу раскопок оказались практически полностью разрушены. Четвертое здание, входящее в этот ансамбль, СКЗ, раскопано лишь частично, в южной его части расширен круглый в плане зал диаметром 17 м и несколько примыкающих к нему помещений. Этот зал подобно Квадратному имел двухъярусное оформление стен и был украшен глиняной скульптурой.

Археологическое изучение Нисы осуществляется уже свыше 60 лет. Несмотря на большое научное значение этого памятника, оно ведется недостаточно активно. Первые научные раскопки проведены в 1930 г. Осенью 1929 г. в Ашхабад был приглашен первый профессиональный археолог, выпускник МГУ А.А. Марущенко, который одним из первых объектов своих раскопок избрал Нису. Как отмечалось выше, при ранних кабинетных исследованиях среди претендентов на отождествление Парфавнисы часто назывались городища в Багире. Это отождествление поддерживал В.В. Бартольд. Мнение лидера отечественного востоковедения, конечно, имело огромное значение для молодого исследователя, и, приступая к раскопкам в Нисе, А.А. Марущенко основную свою задачу видел лишь в практическом подтверждении этой локализации Парфавнисы.

Из двух багирских городищ Новая Ниса была более крупным. К этому следует добавить, что в то время было распространено также мнение, что Ниса – это первая столица Парфянского государства, и именно поэтому здесь располагались гробницы царей. На этом основании первоначальным объектом раскопок была избрана Новая Ниса, более крупная и к тому же имеющая выделенную цитадель. А.А. Марущенко для участия в раскопках пригласил одного из своих учителей, проф. А.С. Башкирова, и они приступили к стратиграфическому изучению цитадели Новой Нисы. Результаты этих раскопок оказались неожиданными для исследователей: до самого «материка» в раскопе продолжали встречаться обломки керамических изделий средневекового времени. На этом основании А.А. Марущенко сделал вывод, что Новая Ниса как городской центр сформировалась только в средневековье, и этот вывод оказал существенное влияние на формирование его первоначальных взглядов на структуру парфянской Нисы.

С высоты последующего 60-летнего опыта археологического изучения Средней Азии ошибочность этого вывода вполне очевидна, но нужно представить себя в положении молодого исследователя, приступившего к изучению городища с очень сложной стратиграфией в условиях, когда раскопки памятников парфянского времени в Туркмении еще не проводились, а облик материальной культуры этого времени был совершенно неизвестен. Материалы античного времени в раскопе, несомненно, были, но А.А. Марущенко не смог их опознать из-за нарушения естественного залегания культурных слоев в процессе многовекового функционирования городища и отсутствия каких-либо «говорящих» находок типа монет или надписей.

Получив «негативные» результаты на Новой Нисе, А.А. Марущенко уже без А.С. Башкирова приступил к контрольным раскопкам Старой Нисы. В шурфе на одной из центральных возвышенностей городища под развалинами позднего здания были обнаружены остатки колонны из жженого кирпича, архитектурные детали из терракоты. Этот комплекс находок А.А. Марущенко правильно определил как принадлежащий к аршакидской эпохе (III в. до н.э. – III в. н.э.).

В последующие годы, преодолевая значительные организационные трудности, он осуществил на Старой Нисе довольно крупные раскопки, но избрал неверную мето-

дику исследований: вместо планомерного изучения одного объекта он закладывает множество шурфов и траншей по всей территории городища, пытаясь таким образом составить суждение о всех основных сооружениях крепости. Он изучал устройство крепостных стен, систему водоснабжения, хранилища Северного комплекса, сделал попытку установить планировку и назначение сооружений Центрального комплекса, но раскопки ни одного из объектов не были доведены до конца и, что самое печальное, не появилось ни одной научной публикации, освещающей эти исследования. Единственным относительно полным документом, отражающим результаты этих раскопок и их осмысление самим А.А. Марущенко, служит сохранившийся в его архиве текст доклада, с которым он выступил в 1935 г. на Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии⁶.

В докладе А.А. Марущенко рассматривал Старую Нису как цитадель Парфавнисы, царскую резиденцию с расположенными здесь царскими гробницами. Позднее взгляды А.А. Марущенко подверглись суровой критике со стороны М.Е. Массона и ряда других исследователей. В свете современных знаний в них действительно много ошибочного, но мне бы хотелось вернуться к этому вопросу не для дополнительной критики, а для понимания причин формирования у А.А. Марущенко именно этих взглядов на Нису. Исходным пунктом всех исторических построений А.А. Марущенко была уверенность в правильности отождествления Старой Нисы с Парфавнисой Исидора Харакского. Исследования прежде всего были ориентированы на поиск царских гробниц, по этой причине все обнаруженные объекты оценивались с позиций их соответствия погребальным сооружениям. Здание с Квадратным залом А.А. Марущенко рассматривал как «мавзолей» – усыпальницу первых парфянских царей. В чем же он видел для этого основания? Прежде всего – в конструктивных особенностях сооружения. Выяснение устройства здания велось преимущественно с помощью шурфов и траншей, и это сильно подвело А.А. Марущенко. В целом правильно определил контуры здания, он неверно интерпретировал некоторые данные. Он установил, что ЗКЗ возведено на платформе из сырцового кирпича, но неправильно определил назначение этой платформы, считая, что она является формообразующим элементом постройки⁷. По его мнению, первоначально ЗКЗ имело вид двухъярусного сооружения: внизу высокий глухой цоколь, на котором располагалось собственно здание. Эти представления послужили основанием для сравнения ЗКЗ с усыпальницами ахеменидских царей.

Вторая посылка А.А. Марущенко – уверенность в том, что, поскольку зороастризм являлся ведущей религией в Парфянском государстве, исследуемый памятник должен находиться в соответствии с догматами зороастризма. В результате архитектурные сооружения и отдельные элементы их оформления рассматривались как проявления зороастрийской ритуальной практики, как она представлялась А.А. Марущенко.

Вместе с тем он сделал много ценных открытий и наблюдений. Старая Ниса, имевшая ранее определение «городища доарабского времени», получила четкую дату, которая в целом остается верной до настоящего времени. Он впервые получил конкретные, хотя и не очень полные, данные о важнейших архитектурных сооружениях Нисы. Ему принадлежит интересная мысль о длительной консервации сооружений Центрального комплекса еще в аршакидское время.

После Иранского конгресса А.А. Марущенко провел на городищах Нисы еще один полевой сезон и в некоторой степени дополнил и пересмотрел свои прежние взгляды. Еще в 1935 г. он заложил новый шурф в центре Новой Нисы и обнаружил интересный комплекс предметов явно античного времени. Эти находки плохо согласовывались с выводами 1930 г., и первоначально А.А. Марущенко пытался это противоречие объяснить деятельностью средневековых кладоискателей, которые якобы выкопали

⁶ Марущенко А.А. Старая Ниса. Информационное сообщение ТГНИИ об итогах раскопок городища в 1930, 1931, 1934 и 1935 гг. Рукопись // Архив Института археологии РАН. Ф. 15. Д. 52а.

⁷ Последующие раскопки показали, что платформа имела чисто техническое назначение – выравнивала поверхность, на которой было построено здание.

эти предметы на Старой Нисе и принесли их на Новую (как и при работах 1930 г., средневековая керамика в шурфе 1935 г. встречалась до самого "материка"). Но искусственность этого объяснения не удовлетворила его самого, и значительную часть следующего полевого сезона он уделил уточнению стратиграфии Новой Нисы.

Раскопки 1936 г. привели А.А. Марущенко к совершенно новым взглядам на стратиграфию городища. Тщательный сбор подъемного материала и контрольное шурфование позволили установить, что первые попытки освоения новонисийского холма предпринимались еще в период неолита и эпоху бронзы. Сложение здесь крупного поселения, по его мнению, произошло в ахеменидский период⁸. Окончательное формирование городского центра относится к эллинистическому и парфянскому периоду⁹. Поработав несколько сезонов на Старой Нисе, А.А. Марущенко уже уверенно выделяет материалы этого времени и на Новой Нисе. Важные результаты имели раскопки нескольких погребальных камер в северной части городища. Находка в одной из них медной монеты Орода II (57–38 гг. до н.э.) сняла все сомнения относительно времени функционирования некрополя. Пересмотр взглядов на стратиграфию Новой Нисы привел к изменению представлений о структуре города парфянского времени. Если раньше Новая Ниса исключалась из этой системы, то сейчас она стала рассматриваться как основное ядро города, а Старая Ниса определялась как обособленно расположенная царская резиденция.

Новые открытия при работах 1936 г. были сделаны и на Старой Нисе: выявлены контуры большого круглого зала, в Северном комплексе найден острак с парфянской надписью, обломок ритона из слоновой кости. Но эти открытия не были опубликованы, что в значительной степени обесценило исследования А.А. Марущенко. В отечественной и зарубежной литературе, на основе выступления А.А. Марущенко на Конгрессе по иранскому искусству и археологии, появились не совсем точные и неполные описания нисийских материалов¹⁰. О. Ройтер в обобщающем труде по иранской архитектуре без достаточных оснований предложил считать здание с Квадратным залом – "Храмом солнца и луны"¹¹.

Новый этап исследований наступил в 1946 г., когда была создана Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) во главе с М.Е. Массоном. К сожалению, с самого начала личные отношения между руководителем первых раскопок и начальником ЮТАКЭ не сложились, что сказалось на изучении Нисы. М.Е. Массон подверг А.А. Марущенко суровой критике и в критическом запале прошел мимо ряда интересных открытий и догадок своего предшественника.

ЮТАКЭ, особенно в первые годы, проводила раскопки со значительно большим размахом и более совершенными методами. Разведывательных шурфов и траншей на Нисе было уже предостаточно, и М.Е. Массон дал установку на широкие раскопки отдельных объектов. Одним из первых был раскопан Квадратный зал (при ранних исследованиях он был расчищен только на треть) и сделаны новые находки настенной росписи и глиняной скульптуры, в том числе почти целый женский торс. В 1948 г. были обнаружены ритоны из слоновой кости и начались планомерные раскопки Большого квадратного дома. Полное и тщательное изучение этого объекта – одна из крупнейших заслуг ЮТАКЭ. В дальнейшем был раскопан Круглый зал, проведены значительные работы на винохранилище и Башнеобразном сооружении. Но постепенно масштабы работ на Нисе сокращаются, и в 1967 г. "ютакинский цикл" работ на Нисе закончился¹².

⁸ Новейшие исследования этого не подтвердили.

⁹ *Марущенко*. Краткий отчет... С. 182 сл.

¹⁰ *Веймарн Б.В., Денике Б.П.* Итоги иранского конгресса // *Искусство*. 1936. № 1. С. 6–20; *Дьяконов М., Стрелков А.* Выставка иранского искусства // Там же. С. 25–27; *Стрелков А.С.* Третий Международный конгресс по иранскому искусству и археологии // *СА*. 1937. Т. 2. С. 209 сл.; *Ackerman Ph.* L'exposition d'art iranien à Leningrad // *Syria*. 1936. 17. P. 49.

¹¹ *Reuter O.* Parthian Architecture // *A Survey of Persian Art*. V. I. L.–N.Y., 1938. P. 444.

¹² Незначительные по масштабу работы проведены также в 1975 г.

Работы ЮТАКЭ сопровождалась выдающимися открытиями (глиняная и мраморная скульптура, мелкая художественная пластика, великолепные ритоны, крупнейшее собрание парфянских документов), но не привели к качественно новым выводам в вопросе о функциональном назначении Старой Нисы. М.Е. Массон и Г.А. Пугаченкова в своих общих интерпретациях исходили из неизбежности постулатов – городища в Багире соответствуют Парфавнисе, Старая Ниса – это царская резиденция и одновременно место захоронения первых аршакидских царей.

М.Е. Массон в своей первой публикации по Нисе (прим. 2), несмотря на критическую оценку исследований А.А. Марущенко, принимает основные его выводы. В этой работе принимается предложенная А.А. Марущенко общая датировка Нисы, но оставляется без внимания утверждение о том, что основные сооружения Нисы на последнем этапе долго стояли "запечатанные". На основании неправильного хронологического определения нисийской глиняной скульптуры¹³ время функционирования Квадратного зала было неоправданно растянуто и причиной его разрушения признано сасанидское завоевание. М.Е. Массон подверг критике представление о том, что Ниса была столицей Парфянского государства, но принял предположение А.А. Марущенко о первоначальном ее функционировании в качестве царской резиденции, которая в дальнейшем, в связи с появлением здесь погребений "Старших" Аршакидов и все более редкого посещения представителей правящей династии, превратилась "в особую заповедную крепость", своеобразный мемориал, связанный с почитанием первых аршакидских царей.

Г.А. Пугаченкова при рассмотрении функций Квадратного зала сначала колебалась между определением его как дворца или храма. Но после формирования общей концепции о постепенном изменении функций Старой Нисы она все более решительно стала настаивать на первоначальном его использовании как зала для приемов¹⁴.

В результате последующих открытий эта гипотеза была несколько скорректирована, но в целом продолжала отстаиваться. Прежде всего изменились представления о времени возникновения Нисы. Первоначально предполагалось, что ее основали первые аршакидские цари, соответственно время ее строительства относилось ко второй половине III в до н.э. После обнаружения письменных документов с упоминанием древнего названия крепости (Михрдаткирт)¹⁵ основание Старой Нисы стало связываться с деятельностью одного из наиболее выдающихся парфянских царей Митридата I (ок. 171–138 гг. до н.э.)¹⁶.

Погребения парфянских царей в пределах Старой Нисы не были найдены. Предлагавшееся А.А. Марущенко определение здания с Квадратным залом как мавзолея отвергнуто¹⁷, но сама идея связи городища с погребениями парфянских царей продолжала жить. Акцент стал делаться на существование заупокойного культа парфянских царей.

Как очевидно было воспринято предположение А.А. Марущенко о соответствии нисийских сооружений зороастрийским идеологическим установкам. Основой для подобного мнения служило представление о том, что зороастризм занимал господствующее положение в аршакидском государстве и большинство иранцев исповедовало зороастризм или близкие к нему верования. Эти представления укрепились в

¹³ Л.И. Ремпель предложил нисийскую скульптуру датировать II веком н.э. (Тр. ЮТАКЭ. Т. 1. 1949. С. 355–362). Ср. Пилишко В.Н. Голова в шлеме из Старой Нисы // ВДИ. 1989. № 3.

¹⁴ Пугаченкова Г.А. Архитектурные памятники Нисы // Тр. ЮТАКЭ. Т. 1. 1949. С. 239 сл.; она же. К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы // Тр. ЮТАКЭ. Т. 16. 1978. С. 19–21.

¹⁵ Дьяконов И.М., Лившиц В.А. Документы из Нисы I в. до н.э. Предварительные итоги работ. М., 1990. С. 22 сл.

¹⁶ Пугаченкова. Искусство Туркменистана. С. 37.

¹⁷ А.А. Марущенко предполагал, что как погребальные камеры использовались вспомогательные помещения юго-западного фаса, но, как показали последующие исследования, эти помещения появились поздно и никаких следов захоронений в них не обнаружено.

результате раскопок самой Нисы. И.М. Дьяконов и В.А. Лившиц, основные исследователи нисийских письменных документов, отмечали, что среди использованных в них имен нет ни одного, которое было бы неприемлемо для приверженца зороастризма, в нисийском делопроизводстве использован младоавестийский календарь, а среди официальных лиц, имевших отношение к нисийскому комплексу, упоминаются маги и жрец огня¹⁸. Для объяснения нисийской обрядности привлекались сведения сасанидского сборника "Тысяча судебных решений" о традиционных для иранского общества поминальных взносах¹⁹.

Эти представления о несомненной тесной связи нисийских памятников с зороастрийскими ритуальными установлениями также оказывали большое влияние на исследователей, занимающихся определением функционального назначения Старой Нисы и отдельных ее сооружений. Зороастризм не мыслится без храмов огня, поэтому это определение настойчиво "примеялось" к нисийским памятникам. Иногда подобные функции приписывались Башнеобразному сооружению²⁰. Г.А. Кошеленко высказал предположение, что таким образом можно считать Здание с квадратным залом²¹.

Археологические раскопки на Нисе в середине 60-х годов временно прекратились, а дискуссии по поводу определения нисийских сооружений продолжались²². Но в них отчетливо ощущался недостаток фактического материала для решения поднимаемых проблем. В самом деле, как можно спорить о назначении главных сооружений Центрального комплекса (ЗКЗ, БС, СКЗ), если раскопки этих объектов не завершены и с возможной полнотой не определена даже их планировка. В этих условиях Парфянская экспедиция Института истории АН ТССР под руководством автора данных заметок в 1979 г. начинает исследование ЗКЗ и БС²³. Исследование здания с Квадратным залом затянулось на 12 лет, а изучение Башнеобразного сооружения далеко от завершения и ныне. Выбор ЗКЗ в качестве первоочередного объекта исследования в определенной степени обусловливался несогласием с мнением Г.А. Пугаченковой, определявшей Квадратный зал как один из элементов "дворца"; мне же кажется более правомерным его определение в качестве самостоятельного архитектурного объекта.

Главные достижения последнего цикла раскопок ЗКЗ сводились к следующему: уточнена его планировка на последнем этапе функционирования, появилась возможность составить общее представление о первоначальной планировке ЗКЗ, получены новые материалы для суждения о декоративном убранстве постройки, впервые обнаружены хорошо сохранившиеся головы глиняных статуй, установлено, что ЗКЗ не относится к числу древнейших сооружений Старой Нисы и нет никаких следов его использования в позднепарфянское время, т.е. период функционирования ЗКЗ и всего Центрального комплекса был значительно короче, чем представлялось раньше²⁴. Но наряду с этими победными реляциями о достижениях новейших археологических исследований следует констатировать и менее радостный их результат: окончательно рухнула надежда на обнаружение находок, отчетливо свидетельствующих о назначении данного сооружения.

При раскопках Башнеобразного сооружения сделано немало наблюдений, уточняющих его устройство²⁵. Но самым важным открытием, связанным с его раскопками,

¹⁸ Дьяконов, Лившиц. Документы из Нисы... С. 23 сл.; они же. Новые находки... С. 148 сл.

¹⁹ Периханян А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983.

²⁰ Пугаченкова. Пути развития... С. 102.

²¹ Кошеленко Г.А. Культура Парфии. М., 1966. С. 18 сл.; он же. Родина парфия... С. 53-56.

²² Пугаченкова. К интерпретации...

²³ Некоторое время спустя к исследованию архитектурных памятников Центрального комплекса приступили другие экспедиции. Экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством В.М. Массона занималась изучением Северо-восточного сооружения. Экспедиция ИА АН СССР под руководством Г.А. Кошеленко, а затем экспедиция Туринского университета под руководством А. Инверници продолжили раскопки Сооружения с круглым залом.

²⁴ Пилипко. Старая Ниса... С. 86-88.

²⁵ Краткое описание устройства Башнеобразного сооружения с учетом новейших открытий дано выше.

стало обнаружение сюжетной настенной росписи – первой подобной находки за всю длительную историю изучения Нисы и других памятников аршакидского времени на территории Южного Туркменистана. Обнаружено более двух десятков больших и малых фрагментов штукатурки со следами изображения людей и животных. Сильно измельченные фрагменты росписи найдены не на стенах, а в мусорных отвалах, поэтому чрезвычайно трудно судить о представленных сюжетах. Первичная обработка находок все же позволяет предполагать, что в одном из помещений второго этажа располагался фриз, представляющий столкновение двух групп всадников. Это могли быть иллюстрации к парфянским мифам или реальным событиям парфянской истории. Если предположить, что роспись отражает реальные политические события, то это могут быть какие-то сцены сако-парфянских войн второй половины II в. до н.э., явившихся большим испытанием для Парфянского государства. Два парфянских царя погибли в сражениях с кочевниками, и только Митридат II (123–88 гг. до н.э.) отомстил "за обиды, нанесенные предкам".

Необходимо упомянуть еще об одной категории находок, обнаруженной в мусорных сбросах, связанных с ремонтными работами в ЗКЗ и БС, – остраках с парфянскими надписями. Ввиду неполной сохранности надписи с трудом поддаются дешифровке, тем не менее установлено, что в основном это перечни каких-то выдач. Особняком стоит один интересный документ, написанный на крупном обломке хума²⁶. Сохранилась только средняя часть надписи. Поэтому цельного представления о содержании текста нет, однако ясно, что это письмо или черновик письма с изложением царского приказа. Этот документ является важным доказательством того, что аршакидские цари непосредственно контролировали деятельность нисийского центра.

Раскопки 80-х – начала 90-х годов дали обширный дополнительный материал для изучения истории Старой Нисы, хотя отчасти наши ожидания не оправдались. Приступая к раскопкам, я очень надеялся, что будут найдены предметы, проливающие свет на назначение Центрального комплекса или отдельных входящих в него сооружений. Однако раскопки показали, что А.А. Марущенко был прав, утверждая, что накануне своего разрушения постройки Центрального комплекса долгое время стояли пустыми и все предметы, связанные с их функционированием, оттуда были удалены. Обнаружение нового большого скопления фрагментов глиняной скульптуры на некоторое время оживило ожидания. Мы получили значительную новую информацию о внешнем облике персонажей, украшавших Квадратный зал, но не смогли ответить на такой, казалось бы, несложный вопрос: кого изображают нисийские статуи – богов или реальных людей? Среди найденных в Квадратном зале фрагментов скульптуры имеются как мужские, так и женские изображения, представленные примерно равным количеством (общее число статуй не менее девяти). На большинстве персонажей одежды эллинистического типа, женщины задрапированы в разноцветные длинные накидки, мужчины облачены в греческой работы шлемы и панцири. Вместе с тем присутствуют персонажи, одетые в кафтаны с узкими гофрированными рукавами, характерными для иранского костюма. С особым тщанием я искал признаки царской власти. В аршакидской среде таковыми были диадема, гривна и пояс. Но ни у одной из сохранившихся голов не было обнаружено следов изображения диадем и гривен. Отсутствует и другой важный "этнический" признак – знатные парфяне-мужчины носили серьги, но головы в шлемах и голова юноши изображены без серег, т.е. их принадлежность к представителям парфянской знати сомнительна. В то же время находки изображений рук в длинных гофрированных рукавах определенно указывают на присутствие в зале скульптурных изображений каких-то представителей иранского мира. При всех этих колебаниях все же очевидна неправомерность определения всех изваяний Квадратного зала как изображений представителей правящей династии²⁷.

²⁶ Пилипко. Старая Ниса... С. 152 (острак № 3).

²⁷ Ср. Пугаченкова. К интерпретации... С. 19.

Приступая к раскопкам Нисы и наблюдая, с какой легкостью рождаются все новые и новые гипотезы, я дал себе что-то вроде обета молчания, стараясь избегать каких-либо обобщений до окончаний раскопок Центрального комплекса²⁸. Но жизнь показала несостоятельность подобных установок. Раскопки на Нисе ведутся столь вяло, что при сохранении верности "обету" существует реальная опасность вообще лишиться слова. В этих условиях, сохраняя уверенность в том, что условия для подлинно научного обсуждения вопроса о назначении Старой Нисы появятся только после полных раскопок Центрального комплекса, рискую высказать несколько собственных предположений.

Большинство исследователей, занимавшихся интерпретацией материалов нисийских раскопок, исходит из трех посылок, которые считаются вполне доказанными или не требующими доказательств. Первая: соответствие Нисы в Багире древней Парфавнисе с вытекающими отсюда последствиями: главная военная и торговая дорога аршакидского времени проходила по подгорной полосе Копет-Дага; на одном из багирских городищ или в их ближайших окрестностях находятся захоронения парфянских царей. Вторая: Старая Ниса – это царская резиденция. Третья: культовые сооружения Старой Нисы связаны с зороастрийскими верованиями, и в первую очередь с заупокойным культом царей. Все эти три постулата сейчас вызывают у меня большие сомнения.

Вопросу возможности отождествления Парфавнисы с Багирской Нисой я посвятил специальную статью²⁹. Здесь я изложу лишь ее резюме. Категорически отрицать возможность подобного отождествления нельзя, но существуют большие сомнения в его соответствии истине. В различные исторические эпохи главная дорога из Тегерана в Герат проходила через центральные горные долины Туркмено-Хоросанских гор, это наиболее короткий и удобный путь, связывающий эти два пункта, так называемая Большая хоросанская дорога. Багир находится в стороне от этой дороги. Письменные документы, найденные на Старой Нисе, свидетельствуют, что эта крепость носила название "Михрдаткирт", а название "Ниса" в них не упоминается. В Парфавнисе, согласно Исидору Харакскому, находились могилы парфянских царей; на Старой Нисе, несмотря на значительный объем археологических раскопок, затронувших все относительно крупные массивы застройки, погребальные сооружения не найдены и нет признаков их существования.

Старая Ниса – резиденция парфянских царей. В условиях недостатка сведений о ранних этапах функционирования городища ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение невозможно. Вполне допустимо, что первоначально Старая Ниса задумывалась и строилась как царская резиденция. Однако при принятии этого предположения следует принять и другое – по прошествии какого-то времени функции объекта резко изменились. Возникший в результате коренной реконструкции прежней застройки Центральный комплекс скорее всего следует определять как храмовый ансамбль, а не дворцово-храмовый комплекс. Основные его элементы – здание с Квадратным залом, Башнеобразное сооружение и Круглый зал – явно культового назначения. Что касается Северо-Восточного сооружения, которое со времен А.А. Марущенко определяется как "дворец", то это один из наименее исследованных объектов и его определение даже на уровне самых общих типологических оценок (культовый – светский) затруднено. Вполне допустимо, что это какая-то вспомогательная часть храмового ансамбля. Во всяком случае в его пределах пока не обнаружены помещения, которые можно было бы определять как царские покои.

В связи с обсуждением вопроса о возможности рассмотрения Старой Нисы в качестве царской резиденции необходимо отметить продолжающее встречаться в лите-

²⁸ Этим, например, объясняется практическое отсутствие рассуждений на эту тему в моей работе "Старая Ниса. Здание с Квадратным залом".

²⁹ *Пилипко В.Н.* К вопросу о локализации Парфавнисы // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1989. № 2.

ратуре ее определение как "первой парфянской столицы"³⁰. Необходимо напомнить: еще М.Е. Массон обращал внимание на то, что в письменных источниках нет упоминаний о Нисе (Парфавнисе) как столице Аршакидов³¹. В пределах Багира находился важный аршакидский административный центр, и при перемещениях в пределах своего обширного государства парфянские цари, несомненно, в нем эпизодически останавливались. В этом смысле его можно называть царским (столичным) городом. Но все это следует относить к городищу Новая Ниса, исключив из употребления эпитет "первый", так как у Асаака или Дары больше оснований для претензий на первенство. Приложение же определения "столица" к городищу Старая Ниса вообще недопустимо.

Культовые сооружения Нисы отражают зороастрийские верования. Аргументация в пользу этого тезиса дана выше, но можно привести контрдоводы. Наиболее ярким материальным выражением верований зороастрийского круга действительно служат храмы огня. На Старой Нисе, несмотря на настойчивые поиски, подобное сооружение не обнаружено. ЗКЗ, БС, равно как и Круглый зал, как таковые не могут быть определены – в них нет следов существования больших стационарных алтарей огня³². "Зороастрийские" имена обслуживающего персонала, употребление авестийского календаря отражают общую идеологическую ситуацию в регионе и не могут использоваться в качестве решающего аргумента в вопросе о назначении нисийских храмов, создававшихся по повелению представителей правящей династии. Следует обратить внимание на то, что, согласно нисийским документам, главная роль в обеспечении деятельности нисийского комплекса принадлежала царской администрации, а не зороастрийскому жречеству, которое, судя по редкому упоминанию, играло здесь второстепенную роль. Его представители наряду с другими второстепенными чиновниками занимались доставкой вина³³. Антропоморфные изображения, светская тематика настенной живописи, преобладание греческих элементов в оформлении нисийских построек не соответствуют зороастрийским идеологическим установкам и бытовым реалиям. В научной литературе неоднократно высказывались сомнения относительно принадлежности парфянских царей к числу ортодоксальных зороастрийцев³⁴.

В изображениях и надписях на аршакидских монетах, являвшихся важным средством идеологической пропаганды, не обнаруживается явных свидетельств приверженности Аршакидов зороастризму. На монетах представлены сцены венчания парфянского царя божествами эллинистического облика, иногда сам царь изображался как греческий Зевс. Единственный персонаж иранского происхождения – это "лучник", в котором скорее всего можно видеть божественного основателя Парфянского государства – Аршака I. В надписях на монетах парфянские цари настойчиво подчеркивают свое дружеское отношение к эллинам и ничего не говорят о своей приверженности к маздеизму, как это делали их иранские предшественники – Ахеминиды и преемники – Сасаниды.

Все изложенное выше заставляет искать иное решение нисийской проблемы. Перспективным в этом отношении представляется предположение о функционировании Старой Нисы в качестве династического центра, т.е. архитектурного комплекса, предназначенного для пропаганды идеи божественного происхождения правящей династии или отдельных ее представителей. В предшествующих публикациях неоднократно встречаются определения Старой Нисы как особой заповедной крепости, династического святилища, указания на синкретический характер верований правящей династии, но эти определения оставались нераскрытыми или базировались на приведенных выше сомнительных посылках. Необходимо также отметить распро-

³⁰ Chaumont M.-L. Etudes d'histoire parthe II. Capitales et résidences des premiers Arsacides // Syria. 1973. 50; Invernizzi A. Die hellenistischen Grundlagen der frühparthischen Kunst // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Bd 27. 1994. S. 193.

³¹ Массон. Городища Нисы... С. 37–39.

³² Пичикян И.Р. Культура Бактрии. М., 1991. С. 144–157.

³³ Дьяконов, Лившиц. Новые находки... С. 147–154.

³⁴ Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 236 сл.

странение мнения о постепенной сакрализации нисийского комплекса, в то время как, по моему мнению, Центральный комплекс Нисы изначально предназначался для прославления и обоготворения правящего царя и всей династии. По этой причине автор претендует не на приоритет в подобной оценке нисийского комплекса, а лишь на иную расстановку акцентов, иную систему доказательств.

Обожествление царя не характерно для иранской среды, где при слиянии светской и религиозной ветвей власти царь обычно выступал в роли верховного жреца. Но становление царской власти в Парфии имело свои особенности³⁵. Основатель государства Аршак первоначально выступал в роли предводителя кочевого племени, первого среди равных, и его власть во многом регламентировалась родоплеменными обычаями. После завоевания Парфии (соответствующей Партаве персидских источников, небольшой сравнительно бедной области) власть Аршака и его ближайших приемников ненамного усилилась, и внешнее ее оформление вряд ли сильно изменилось. Когда же при Митридате I за одно или два десятилетия Парфия из небольшого владения, с трудом отстаивавшего независимость, превратилась в огромную империю, подчинившую множество народов на пространствах Среднего и Ближнего Востока, появилась потребность в качественно новом внешнем оформлении института царской власти. Кочевое прошлое доблестных, но бедных и простых в общении предков, обычаи парфян, никогда не имевших собственного государства, не могли предложить достойной основы для внешнего оформления царского величия Аршакидов в их новом качестве. Традиции ахеменидского времени за давностью лет были изрядно забыты, да и бесславная кончина этого объединения на первых порах не внушала особого желания во всем следовать его примеру. Единственным достойным примером для подражания в этот период могли служить соответствующие институты эллинистических правителей Бактрии и Сирии. Митридат I умело воспользовался этими образцами, придав им необходимый иранский колорит. Среди прочего, видимо, была заимствована традиция обожествления царя³⁶. Первоначально был обожествлен основатель государства Аршак, затем божественной сущностью стали наделяться его преемники на парфянском троне, и под конец божественное происхождение было признано за всяким Аршакидом независимо от его официального статуса. Несмотря на скудность источников, селевкидская основа этого нового для парфянского общества института все же прослеживается. Парфяне, вслед за Селевкидами, на ряде ранних монет именуют своего царя богом³⁷. Заимствование в определенной степени носило механический характер, и это можно проследить на примере изображения «селевкидского якоря».

В селевкидской среде якорь почитался как фамильный знак правящей династии, но парфяне восприняли его как один из символов царской власти; в течение длительного времени он присутствует на аршакидских монетах. Примечательно, что терракотовые плиты с изображением якоря представлены и на Старой Нисе.

Есть основания предполагать, что именно Аршакиды первые внедрили в иранскую идеологию представления о божественном происхождении царя. Эта притягательная

³⁵ Вопросами идеологического обоснования царской власти в Парфии активно занимался Г.А. Кошеленко, посвятивший этой проблеме специальную статью (Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии // История Иранского государства и культуры. М., 1971). Главные выдвинутые в этой работе идеи не вызывают возражений (силой захватившие власть Аршакиды в дальнейшем пытались укрепить ее ссылками на свое божественное происхождение), но я расхожусь с автором этой работы в определении времени сложения в Парфии династического культа. Г.А. Кошеленко считает, что это произошло еще при жизни основателя государства Аршака I. На мой же взгляд, необходимые условия для оформления этой идеи сложились только при Митридате I. Аргументация Г.А. Кошеленко во многом строится на определении монет с легендой «[монета] царя, божественного Аршака» как принадлежавших к чекану Аршака I, но по новейшим нумизматическим исследованиям их принято относить к чекану Митридата I (Sellwood D. An Introduction to the Coinage of Parthia. L., 1980. Тип 10, 5).

³⁶ О царском и династическом культе в Селевкидском государстве и Греко-Бактрии см. Бикерман Э. Селевкидское государство. М., 1985; Кошеленко Г.А., Сердитых Э.С. Царский культ в Греко-Бактрии // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях. М., 1986.

³⁷ Ср. Кошеленко. Царская власть...

для неограниченных монархов идея в дальнейшем была подхвачена Кушанами и Сасанидами. Наиболее красноречивым новейшим документом, освещающим организацию царского культа при Канишке I, является Рабатакская надпись, в которой великие иранские боги выступают в роли покровителей равного им по рангу царя³⁸.

Заимствование практики обожествления царя в эллинистической среде, возможно, обусловило то, что в старонисийских памятниках иранские элементы не занимают ведущих ролей. В Нисе использованы отдельные иранские планировочные схемы, заимствованные из ахеменидской архитектуры, но в целом господствует дух эллинизма. Нисийские памятники скорее опровергают, чем подтверждают зороастрийскую правоту аршакидских царей. «Старшие» Аршакиды, вероятно, относились к зороастрийским идеям благожелательно, как к большинству других религий, процветавших в их государстве, но сами им не следовали. При такой их позиции находить логическое объяснение тот факт, что в зороастрийской (или близкой к зороастризму) среде существовал культовый объект иного направления, и зороастрийское жречество для подтверждения своей лояльности вынуждено было участвовать в отправлении совершавшихся здесь обрядов. Маги в нисийских документах упоминаются очень редко и как второстепенные персонажи.

Такой подход к определению нисийского комплекса освобождает нас от постоянных оправданий за ненайденные царские погребения, отсутствующие дворцы и храмы огня (хотя их обнаружение отнюдь не приведет к крушению предлагаемой гипотезы) и одновременно открывает возможности для поиска новых путей решения проблем.

В.Н. Пилипко

OLD NISA. THE PROBLEM OF INTERPRETATION

V.N. Pilipko

The article exposes the history of general concepts about the nature of Old Nisa site. Most scholars identify Old Nisa with Parthauunisa mentioned by Isidore of Charax. On this ground Old Nisa is seen as the place of burial and worship of early Arsakid rulers. The worship is supposed to have been according to Zoroastrian ritual tradition, and one of the main buildings of Nisa was the Temple of Fire. At the same time Nisa was, as they think, royal residence and even the first Arsakid capital.

The author denies all these ideas. The identification of Nisa in Baghir with Parthauunisa is proved to be problematic. Old Nisa might have been built and originally used as royal residence, but later its functions changed crucially. After the construction of the Central complex it was turned into a dynastic cult centre. The establishment of Arsakid dynastic cult is to be dated back to the period of Mithridates I and was based not on the Zoroastrian tradition, but on relevant institutions of Hellenistic Bactrian and Syrian rulers.